

Бай Вэньцзин еще не успел отреагировать, как Бай Сюань первой вскочила со стула и от резкого движения опрокинула стоявшую рядом чайную чашку — на полу расплылось огромное мокрое пятно.

Светло-серые одежды того подчиненного были насквозь пропитаны кровью, на лице виднелось множество порезов от клинков — с первого взгляда угадывался почерк воинов племени Накэ, владевших серебряными крючьями и изогнутыми саблями. Некоторые раны были настолько глубокими, что почти обнажали кость на щеке. Сам он находился на грани полного истощения: доложив Бай Вэньцину обстановку, он тут же потерял сознание.

Редкое выражение тепла, промелькнувшее на лице Бай Вэньцина, когда он только что успокаивал Бай Сюань, без следа исчезло. Осталось лишь привычное ледяное и жесткое выражение. Он приказал людям унести потерявшего сознание подчиненного для оказания помощи, а затем широким шагом вышел наружу.

Видя, что Бай Вэньцзин собирается уходить, Бай Сюань торопливо подбежала и ухватила его за рукав. Бай Вэньцзин коснулся ее лица и постарался смягчить тон:

— Не переживай, все будет хорошо, папа сейчас же возьмет людей и пойдет на поиски.

Бай Сюань оставалось лишь разжать пальцы и проводить взглядом удаляющегося Бай Вэньцина.

Город Учжоу располагался в Центральных равнинах, и хотя императорский двор строго-накрого запрещал народу Накэ пересекать границу, они по-прежнему то и дело пробирались внутрь, переодевшись и замаскировавшись. Стоило им затаиться, как они не выдавали своего присутствия, но стоило им двинуться с места — и неизбежно разражалась крупная смута. Прошло ровно пять месяцев с тех пор, как в окрестностях в последний раз слышали о людях Накэ. Бай Вэньцзин не знал, замышляют ли они что-то или нынешнее происшествие — лишь простое совпадение. В конце концов, отправляя Бай Лань в путь, они не поднимали шумихи, да и похищенная повозка снаружи выглядела как обычный экипаж богатой семьи, не имея при себе ничего, что могло бы выдать принадлежность к Вилле Превосходящего Меча. Было вполне возможно, что все затевалось ради простого грабежа.

Но как бы то ни было, хотя он не мог оставить Бай Лань подле себя, он не мог и смотреть сложа руки на то, как она попадает в беду, и не прийти ей на помощь. Он хотел остерегаться этого ребенка, но вовсе не собирался толкать ее на смерть из-за собственных тяжелых, не дающих покоя подозрений, затаившихся в глубине души.

Когда Бай Вэньцзин с отрядом прибыл в пригороды, за городской стеной уже царила пустующая тишина — лишь повсюду валялись кровавые следы да виднелись следы ожесточенной схватки. Алая накидка Бай Лань валялась в придорожных зарослях травы, и на ней отчетливо чернели прорехи от клинков и мечей, а несколько разорванных обрывков ткани ветер унес неподалеку.

Сердце Бай Вэньцина упало. Он обернулся и крикнул:

— Цзо Лоу, бери людей и отправляйся на поиски в горы Чуншань, не упускай ни одной тропинки, а у подножия оставь несколько человек дежурить.

Его голос еще не затих, как из тыла вышел утонченный на вид мужчина. В руке он сжимал длинный меч, а на перепонке между большим и указательным пальцами левой руки краился глубокий шрам, который почти рассекал ладонь надвое и бросался в глаза при каждом взмахе руки.

— Подчиненный немедленно выступает.

Цзо Лоу был одним из стражей в подчинении Бай Вэньцзина. Еще больше десяти лет назад, когда Вилле Превосходящего Меча была еще не столь процветающей, как ныне, Цзо Лоу уже следовал за Бай Вэньцзином по миру, и его преданность не нуждалась в доказательствах. Позднее, когда Бай Хуа поссорилась с Бай Лань, та в один прекрасный день не стерпела и сошлась с Бай Хуа в поединке прямо на территории виллы. Вот только их боевые искусства различались разительно, и исход решился с первого же удара. Бай Хуа не смогла выстоять против Бай Лань и нескольких приемов, и когда казалось, что та сейчас пронзит ее насквозь ударом в грудь, Цзо Лоу внезапно бросился вперед и спас ее. К несчастью, натиск меча был слишком яростным, и остановить его уже не успели — Бай Лань в порыве оплошности смертельно ранила Цзо Лоу.

Цзо Лоу обладал редкой для такого человека преданностью и верностью долгу; даже если она не могла использовать его в своих целях, в глубине души Бай Лань испытывала к нему уважение. Раз уж он ценой собственной жизни стремился защитить Бай Хуа, Бай Лань не желала оставлять его с открытыми от обиды глазами на смертном одре и вновь пощадила Бай Хуа, однако она никак не ожидала, что тем самым оставит себе смертоносную угрозу на будущее.

С другой стороны, дождавшись, пока Цзо Лоу уйдет с людьми, Бай Вэньцзин и сам повел отряд в иные места на поиски. В окрестностях города Учжоу имелись два наиболее подходящих для укрытия места: первое — горы Чуншань в нескольких ли от города с их извилистыми горными тропами и разбегающимися во все стороны спусками. Перед уходом Бай Вэньцзин заблаговременно расставил людей охранять выходы с гор, так что беспокоиться об этом особо не стоило. Куда сложнее обстояло дело с рекой Чжаншуй, служившей рвом вокруг Учжоу: она вилась крутыми изгибами, а по ее берегам тянулись густые заросли кустарника выше человеческого роста, что сильно затрудняло поиски.

Сейчас он мог лишь уповать на то, что Бай Лань окажется достаточно проницательной и ее не схватят живьем для использования в качестве заложницы.

Узкая рваная рана от клинка пересекала ее живот; лезвие с мелкими зубьями превратило плоть и кровь в сплошное месиво. Бледная до синевы, Бай Лань зажимала рану руками и с трудом брела вдоль реки Чжаншуй в сторону городских ворот.

Накидка затерялась во время схватки, одежда на ней была донельзя тонкой, а тупая боль, раз

за разом пронзавшая рану, вызывала у Бай Лань головокружение и потемнение в глазах.

Хотя она заранее знала о засаде людей Накэ в пригороде, когда повозку внезапно атаковали, у нее все же не хватило времени отразить удар. Ее наотмашь вытащили наружу и швырнули на землю, отчего она разбила колени, а уголком рта случайно ударилась о рукоять сабли.

Бай Лань приложила ладонь к разбитому уголку рта и невольно судорожно втянула воздух. Река Чжаншуй была прозрачной до самого дна, так что в ней отчетливо отражался ее собственный жалкий вид. Впрочем, Бай Лань не придавала этому особого значения и, бросив мимолетный взгляд, отвела глаза.

На самом деле ее тогда вовсе не уволокли насильно люди Накэ: когда те несколько налетчиков собрались отступать, она высмотрела последнего из них — раненого и отставшего от остальных — и бросилась в погоню.

Будь противник крепким и сильным взрослым мужчиной, владеющим к тому же боевыми искусствами, Бай Лань не стала бы так очертя голову нестись следом. Но совсем другое дело, если враг тяжело ранен: она могла использовать свое мастерство владения мечом для применения хитрых приемов, а также воспользоваться тем, что люди Накэ ничего не смыслят в мечах Центральных равнин, чтобы сбить его с толку. Пусть победить его ей не удалось бы, но по крайней мере она смогла бы гарантировать собственный безопасный отход.

Она не слишком-то полагалась на Бай Вэньцзина, зато знала, что Бай Сюань ни за что не захочет, чтобы она вот так просто покинула Учжоу, и не пожелает смотреть на ее смерть. А потому она решила сыграть в эту игру — проверить, перевесит ли отцовская любовь Бай Вэньцзина к Бай Сюань настолько, чтобы он явился спасать ее.

Крови вытекло слишком много, тело начало пронизывать холодом, но шаги Бай Лань не замедлялись. Она по-прежнему шла по направлению к городу Учжоу; чем ближе подходила она к нему, тем радостнее и трепетнее билось сердце. Прежде ей казалось, что эта разлука станет вечной, но она и помыслить не могла, что небеса проявят милосердие и подарят ей поворот к лучшему. И как сильно она раньше стремилась покинуть Виллу Превосходящего Меча, столь же сильно теперь не желала расставаться с ней — ей было жаль расставаться с той крошкой, что каждый день припадала к ее коленям и звала сестрицей, жаль было расставаться с этим последним человеком, считавшим ее своей родней.

Лишь когда силуэт Бай Вэньцзина показался в поле ее зрения, Бай Лань окончательно утратила силы и, погрузившись во тьму, потеряла сознание.